

СЕЙДЯК И УРАЗ МУХАММЕД В СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**Е.А. Рябинина¹, Д.Н. Маслюженко²***Курганский государственный университет**Курган, Российская Федерация**¹realdenim77@yandex.ru, ²denmas13@yandex.ru*

Цель исследования: выявить особенности появления и деятельности в Сибирском ханстве последнего Тайбугида князя Сейдяка и казахского царевича Ураз Мухаммеда.

Материалы исследования: основана на опубликованных (летописи различного происхождения, сборник летописей Утемиш-хаджи, дастаны Кадыр Али-бека) и неопубликованных (документы из фонда 127 (сношения с ногайскими татарами) РГАДА, сибирская летопись Ивана Черепанова) источниках.

Результаты и научная новизна. В исторических исследованиях существует традиционная концепция деятельности князя Сейдяка как одного из противников сибирского хана Кучума. Однако противоречивость источников дает возможность построения иной концепции событий 1585-1588 гг.

Воспитанный при дворе сейида потомок Тайбугидов появился в Сибири не ранее середины 1585 года. Сомнительно, чтобы заинтересованные в пушнине и вложившие много сил в исламизацию ханства, бухарские сейиды и связанные с ними купцы могли отправить противника легитимного хана. Более реалистичной выглядит версия о необходимости расширения его поддержки, что объясняет участие Сейдяка в разделе имущества Ермака и отсутствие прямых конфликтов с Кучумом.

В это же время в Сибири мог появиться и внук казахского хана Шигая Ураз Мухаммед, отец которого Ондан погиб во время очередного казахско-калмыцкого столкновения. Причины отправки Ураз Мухаммеда с семьей в Сибирь не представлены в источниках. Они также вначале оказались при дворе хана Кучума, где осела часть семьи Ондана. Уже после взятия Искера царевич вместе с присоединившимся к нему сибирским карачей оказались там, чем усилили Сейдяка.

Попытка выстроить концепцию реального «триумvirата» Сейдяка, Ураз-Мухаммеда и Карачи в качестве альтернативного политического центра хану Кучуму и его сыновьям на данный момент выглядит безосновательной в силу отсутствия информации о их деятельности между взятием Искера и русским пленением в 1588 г.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Кучум, Тайбугиды, Сейдяк, Ураз Мухаммед, русско-сибирские отношения

Для цитирования: Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н. Сейдяк и Ураз-Мухаммед в сибирской истории // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 380–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396 EDN: KXARTX

SEIDYAK AND URAZ-MUHAMMAD IN SIBERIAN HISTORY

*E.A. Ryabinina*¹, *D.N. Maslyuzhenko*²

Kurgan state university

Kurgan, the Russian Federation

¹ *realdenim77@yandex.ru*, ² *denmas13@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* To identify the features of the appearance and activity in the Siberian Khanate of the last Taibugid Prince Seidyak and the Kazakh tsarevich, Uraz-Muhammad.

Research materials: This work was carried out on the basis of the analysis of published chronicles of various origins, the collection of chronicles of Utemish Hadji, dastans of Kadyr Ali-bek, and unpublished documents from the fund 127 (relations with Nogai Tatars) of the RGADA, the Siberian chronicle of Ivan Chereapanov, etc.

Results and scientific novelty: In historical research, under the influence of various editions of the so-called "Siberian chronicles", there has emerged a traditional concept of Prince Seidyak's activity as that of one of the main opponents of the Siberian Khan Kuchum. However, the late nature and inconsistency of these chronicles in relation to each other and some documents that are contemporary to the events make it possible to construct a different concept of the events of 1585–1588 in Siberia.

Brought up at the court of the sayyid most likely associated with the tariqa Naqshbandiyya, the descendant of the Siberian princes appeared in Siberia no earlier than the middle of 1585. It is doubtful that the Bukhara Sayyids and merchants who were associated with them, being interested in local furs and having invested a lot of effort in the Islamization of the khanate, could send a legitimate khan to the north. The theory about the need to expand support for Kuchum by various groups, including those loyal to the princely dynasty, looks more realistic. This explains the participation of Saydiak in the division of Ermak's property, and the absence of direct conflicts with the khan, with the exception of taking Isker from his son, Ali, who had a rather strained relationship with his father and brother. At the same time, the Bukhara leaders could remind Kuchum that they had the option of a political alternative.

Almost at the same time, the grandson of the Kazakh khan, Shigai Uraz-Muhammad, whose father Ondan died during another Kazakh-Kalmyk clash, could appear in Siberia. Ondan had supported his father and brother Tavvakul, including in the conclusion of a Kazakh-Bukhara union. Judging by indirect references, the ruling family was also associated with one of the Bukhara tariqas. The reasons for sending Uraz-Muhammad and his family to Siberia are presented inconsistently in the literature due to the lack of sources on this issue. They also ended up initially at the court of Khan Kuchum where part of Ondan's family had settled. After the capture of Isker, the tsarevich, along with the Siberian carp who joined him, found themselves in Isker, where they strengthened the Seidyak.

The attempt to build the concept of a real "triumvirate" made up of Prince Seidyak, Tsarevich Uraz-Muhammad, and Siberia's Karachi as an alternative political center to Khan Kuchum and his sons at the moment looks groundless due to the lack of information about their activities between the capture of Isker and the Russian captivity in 1588. Even if they had some political ambitions, they did not demonstrate them in any way.

Keywords: Siberian Khanate, Kuchum, Taybugids, Seidyak, Uraz-Muhammad, Russian-Siberian relations

For citation: Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. Seidyak and Uraz-Muhammad in siberian history. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 380–396. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396 (In Russian)

В истории Сибири конца XVI века есть много персоналий, которые оказали влияние на происходящие в это время процессы присоединения новой территории к Российскому государству. Среди них особое место занимает последний представитель местной княжеской династии Тайбугидов Саид-Ахмад б. Бекбулат, известный по русским летописям как Сейдяк. Сибирские летописи при описании связанных с ним событий ограничиваются краткой констатацией того, что он является представителем династии сибирских князей Тайбугидов, историей его бегства в Бухару вместе с матерью после убийства отца и дяди, последующего возвращения в Сибирь, захвата Искера и затем пленения русским воеводой.

Причем оба героя нашей статьи – сибирский бек Сейдяк Тайбугид и казахский царевич Ураз Мухаммед – до попадания в Русское государство вместе упоминаются только в сибирском летописании и в сочинении Кадыр Али-бека, условно названного «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»). Столь небольшое число источников поневоле приводит к множественным трактовкам их совместной роли в истории Сибирского ханства, которые зависят именно от различий в концептуальных походах как к истории этого государства, так и взаимоотношений Шибанидов и Тайбугидов.

Основная проблема в интерпретации событий, связанных с Сейдяком и его деятельностью в Сибири, заключается в том, что основную массу источников, в которых содержится информация о ранней деятельности последнего Тайбугида, представляют только сибирские летописи, которые дают в ряде моментов крайне противоречивую информацию. На данный момент других источников о его жизни в Бухаре или деятельности в Сибири после возвращения не имеется. Только после пленения русскими Саид-Ахмад несколько раз упоминается в официальных документах, связанных с его пребыванием на территории европейской части Российского государства.

Среди исследователей действия Сейдяка не получили однозначной оценки. Г.Ф. Миллер считал, что он действовал вполне самостоятельно в надежде вернуть престол своих предков и отомстить за смерть родственников [22, с. 236]. В то же время, если его поддержка местной татарской знатью могла быть объяснима его происхождением, то помощь со стороны казахского царевича, каковым был второй герой нашей работы Ураз Мухаммед, и бывшего карачи хана Кучума уже не вполне понятна. А.Г. Нестеров считает, что они втроем составляли своеобразный «сибирский триумvirат», с помощью которого было временно восстановлено Тайбугидское государство [24, с. 23].

В летописях Сейдяк называется сыном Бекбулата, брата сибирского князя Едигера, который вел переговоры о подданстве с Москвой в 1555–1563 гг. Согласно летописям, пришедший из «Казачьей орды» царь Кучум убил Едигера и его брата и захватил власть в Искере. Факт захвата Искера и убийства Тайбугидов отражается во всех сибирских летописях. Хотя в некоторых редакциях упоминается, что убит был только Бекбулат, а Едигер взят в плен: «а князя Етегера жива взял, а брата его Бехбулата убил» [28, с. 119].

Данная версия противоречит синхронному этим событиям указанию Никонской летописи, авторы которой часто включали информацию из посольских документов. В ней реставрация Шибанидов в Сибири выступает как инициатива представителей сибирской аристократии «...сибирские люди царю и великому князю изменили, дани государевым данщиком давати не учали и взяли к себе на Сибирь царевича» [27, с. 370]. Это известие вполне убедительно соотносится с легендой, записанной Г.Ф. Миллером, о том, что сибирское посольство было направлено к хану Большой Бухары Муртазе, который и отправил в Сибирь сво-

его сына Кучума [22, с. 192]. Вероятно, смена правителя могла произойти в связи со смертью Едигера, а отказ от возведения на престол его брата или сына мог быть связан с тем, что эти «сибирские люди» были недовольны политикой Тайбугидов по сближению с Московским государством (о чем косвенно может говорить фраза «изменили») и решили обратиться к прежним правителям Шибанидам. Стоит при этом учесть, что в публикации известного исследователя письма от 22 сентября 1563 г. от Ивана IV бию Исмаилу была пропущена одна фраза: «А ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич»¹ [20, с. 462–463]. Таким образом, в отличие от поздних по отношению к рассматриваемым событиям сибирских летописей в синхронных документах указывается факт и приглашения самими сибирскими людьми царевича из Бухары в Сибирь и то, что им был не Кучум, а его старший брат Ахмад-Гирей, что вызывает сомнение в достоверности некоторых сообщений тобольских летописцев о характере смены власти от Тайбугидов к Шибанидам, несмотря на всю ее популярность в исследовательской и научно-популярной литературе.

По поводу судьбы Сейдяка в тех летописях, где упоминаются его ранние годы, практически дословно приводится только рассказ о том, что его в малолетнем возрасте тайно вывезли в Бухару, чтобы спасти от убийства Кучумом: «Бекбулатов же сын Сейдяк ото убиения царя Кучума жив бысть и изведен в Бухарскую землю» [28, с. 130]. Существует и другая версия событий, которая отражена в преданиях тобольских татар, собранных Г.Ф. Миллером: после смерти сибирского правителя (в легенде путаница, так как Сейдяк назван сыном Едигера, а не Бекбулата) у него осталась беременная жена. Так как знатные татары не хотели ждать, кто родится, они отправили посольство в Бухару к Муртазе, чтобы он дал им одного из своих сыновей на царство. А беременная вдова бежала в Бухару, где ей помог один из сеитов, который взял ее в свой дом и там у нее родился сын Сейдяк (маленький сеит), приемным отцом которого стал данный представитель одного из исламских тарикатов [22, с. 192]. Причем в Черепановской летописи сообщается, что сеит содержал вдову тайно². В последствии в летописях Сейдяк упоминается как пришедший из Бухары, иногда даже как «Бухарские земли князь» [16, с. 24; 34, с. 338]. Резонно предположить, что до возвращения в Сибирь он всю жизнь провел именно в Бухаре, причем, скорее всего, получив воспитание при наиболее влиятельном местном тарикате Накшбандийа, джуйбарские шейхи которого играли значительную роль в политике и экономике Бухарского ханства. Если наша версия верна, то она потенциально позволяет объяснить и сохранение Сейдяком знатного статуса в составе бухарской элиты [37, с. 48], и источник формирования его войска, но самое главное она требует иного взгляда на сами причины сибирского похода Сейдяка.

Отметим, что по некоторым редакциям сибирских летописей и устным преданиям складывается впечатление, что Сейдяк правил после смерти Едигера и Бекбулата, пока не пришел Кучум и Сейдяку не пришлось бежать в Бухару [22, с. 192; 28, с. 108]. Данная версия не согласуется ни с одной из ранее рассмотренных и предполагает достаточно дееспособный возраст Сейдяка на момент прихода в Сибирь Кучума и довольно преклонный возраст на момент его участия в русских походах конца XVI века, что вряд ли возможно. Кроме того, согласно преданиям, изложенным у Г.Ф. Миллера, Сейдяк якобы пытался, достигнув совершеннолетия, с небольшим отрядом вернуться в Сибирь и вернуть себе свое

¹ РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6., л. 188–188 об.

² Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. № 12137. Л.30.

наследство, получив значительную помощь от местных татар, причем произошло это еще при жизни Ахмад-Гирея, то есть не позднее 1575 года. Но ни в летописях, ни в других источниках подтверждения данной версии нет, и как пишет Г.Ф. Миллер, она не согласуется с последующими летописными событиями [22, с. 195–196].

Появление Сейдяка в Сибири произошло уже после поражения Кучума от Ермака и пленения Маметкула в конце февраля 1583 года. При этом сведения о Сейдяке оказываются известны только в виде слухов, которые доходят до Кучума: якобы из Бухары «с войском многим» идет князь Сейдяк, который «отечество свое... наследити восхотел и хошет отмстить кровь отца своего Бекбулата и кровь дяди своего Гедегера» [34, с. 285]. Согласно Черепановской летописи и народным преданиям, собранным Г.Ф. Миллером, он мог появиться и в 1583 году, а потом скрываться среди татар (у И. Черепанова дополняется, что среди «кучумовых татар») [22, с. 195–196]³, что маловероятно с учетом рассмотренных ниже указаний на большое количество воинских сил при нем, которое трудно было бы держать скрытно. Кроме того, в ряде летописей указывается, что Сейдяк пришел непосредственно из Бухары «прииде из Бухар ко граду Сибири» [28, с. 135; 34, с. 289]. При появлении этих слухов описывается сильный страх Кучума перед этими известиями: «Царь же Кучум слыша сия от поведующих ему и убоился страхом великим» [34, с. 140]. По всей видимости, в данном случае в летописях присутствует намеренное преувеличение, так как до убийства Ермака и ухода казаков из Искера, кроме слухов, непосредственное присутствие Сейдяка на территории Сибирского ханства не фиксируется.

В результате реальное появление Сейдяка, по всей видимости, происходит только в 1585 году, когда он захватывает Искер, изгнав оттуда старшего сына Кучума Али, у которого с отцом, видимо, были довольно натянутые отношения. Именно большое количество воинских людей Сейдяка, причем вскоре после взятия ими города, видит воевода И. Мансуров в сентябре 1585 года на подходах к Искеру, что и заставляет его уйти на Обь [22, с. 265; 28, с. 135; 34, с. 256]. Г.Ф. Миллер приводит известие из Ремезовской летописи о том, что Сейдяк участвует вместе с Кучумом в разделе имущества выловленного тела Ермака [22, с. 258–259; 34, с. 345–347]. В.В. Трепавлов предположил, что, скорее всего, это легендарная история далека от действительности, так как она в корне противоречит традиционной идее мести Сейдяка Кучуму и известным противоречиям Тайбугидов и Шибанидов [37, с. 48]. Причем в Кунгурской и Ремезовской летописях раздел имущества Ермака происходит уже после захвата Искера Сейдяком. В таких условиях мирная встреча Кучума и Сейдяка вряд ли была возможна [16, с. 29–30; 34, с. 345].

С другой стороны, если учесть, что на самом деле взятие Искера было позднее, чем смерть Ермака, то создается впечатление, что при вставке этой легенды в текст была несколько искажена хронология событий. Убийство Ермака произошло 6 августа 1585 года, вскоре после этого его тело достали из реки, а имущество было разделено между несколькими важнейшими политическими фигурами. В это же время казаки покидают город Сибирь, который занимает Али, а лишь потом уже Сейдяк. Таким образом, он вполне мог участвовать в разделе, что свидетельствует в пользу отсутствия у него на тот момент разногласий и вражды с Кучумом. Отчасти это подтверждает версию того, что Шибаниды могли быть не причастны к смерти Едигера и его брата, смена правителя произошла

³ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. № 12137. Л.70.

мирным путем, а соответственно у Сейдяка не было обоснованных причин для мести (несмотря на позицию в Сибирских летописях). Обратим внимание, что с учетом возраста в котором последний сибирский князь оказался в Бухаре и воспитания в доме сейида или в тарикате он вообще мог очень плохо разбираться в сибирских реалиях, поскольку единственным источником такой информации могла быть только его мать или кто-то из сибирской аристократии, о чем, впрочем, в источниках тоже не упоминается. К тому же тарикат Накшбандийа положил много сил на исламизацию территории по Иртышу и организацию здесь надежной пушной торговли, так что вряд ли бы при их или вообще бухарской поддержке туда бы отправили противника действующего хана. Скорее нужна была интеграция всех местных сил для возвращения власти над территорией Сибирского ханства. И именно это и было символически закреплено при разделе имущества такого сильного врага как Ермак. Одновременно Сейдяк мог быть использован как инструмент давления со стороны Бухары на Кучума в качестве напоминания об иной политической альтернативе в условиях предшествующих поражений, что и объясняло появление слухов именно после пленения Маметкула, который был не только главным полководцем, но и сыном Ахмад-Гирея.

Однако в дальнейшем ситуация быстро и кардинально изменилась. Взятие Искера Сейдяком практически во всех летописях описывается одинаково: «и прииде ко граду Сибири и град взя и царевича Алея и прочих победы и изгна из града» [34, с. 150]. Существующие отличия в других летописях описывают Сейдяка в более героическом виде. В Строгановской летописи Сейдяк изгоняет не Али, а самого Кучума, который якобы пришел в Искер после его захвата Али. Вероятно, косвенно это может быть сравнимо с Ермаковым взятием, причем описывается, что Сейдяк пришел выгонять Кучума «необязненно», видимо подчеркивая слабость Кучума в сравнении с Ермаковыми казаками [18, с. 85]. Также в некоторых редакциях ему приписывается и даже подчеркивается пленение Али и убийство минимум семерых из десяти сыновей Кучума [28, с. 135; 34, с. 289, 295], этой же версии придерживается А.Т. Шашков [42, с. 38], однако судьба всех Кучумовичей хорошо известна и никак не укладывается в эти преувеличения значимости Сейдяка.

Интерес представляют и противоречия в летописях по поводу военного сопровождения Сейдяка при взятии Искера. В большинстве летописей сообщается, что сибирский князь «собрася со всем домом своим и с воинскими людьми» [34, с. 268]. В Строгановской летописи говорится, что Сейдяк собрал «многих своих улусных Татар» [18, с. 85]. При этом не совсем понятно, какие улусные татары имеются в виду, так как основной поддержкой Сейдяка на тот момент могли быть татары из Тайбугина юрта, но в 1584 году они уходят к ногаям, где их возглавляет Ураз Мухаммед [36, с. 324–325], женатый на дочери Кучума и, соответственно, сомнительно, что они оказывали помощь Сейдяку. Кроме того, согласно Черепановской летописи, искерские татары только после взятия города признали его правителем и согласились выплачивать дань Сейдяку, но наотрез отказали ему в военной помощи⁴. В одной из редакций Есиповской летописи и в Сибирском летописном своде среди воинских сил, которые поддерживали Сейдяка упоминается, что он «прибрав множество иностранных воинских людей Агарянских же языков» [28, с. 311; 34, с. 223]. По этому поводу В.В. Трепавлов высказывает предположение, что это могли быть скорее узбеки из Бухары, чем казахи или ногаи, причем набранные Сейдяком самостоятельно, а не официальная военная помощь, о чем говорит упоминание, что он «прибрал» их [37, с. 63–64]. Дей-

⁴ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ГТИАМЗ. № 12137. Л.81.

ствительно, нигде в источниках не прослеживается какая-то связь сибирского князя с кем-то из ногайских или казахских аристократов, которые к тому же на тот момент были заняты совсем в других конфликтах. С другой стороны, сомнительно, что Сейдяк, даже прожив длительное время в Бухаре и пользуясь покровительством сеййида, самостоятельно смог бы набрать для такого похода «множество иностранных воинских людей». Скорее здесь можно согласиться с точкой зрения Х.З. Зияева, о том, что воинские силы были набраны при помощи «определенных кругов» в Бухаре [12, с. 19–20]. Под этими кругами вероятно подразумеваются представители суфийского тариката Накшбандийа, которые обладали огромным влиянием на политику и экономику Бухарского ханства.

К сожалению, крайне ограниченный круг источников не дает возможности предполагать, чьи интересы, помимо самого Сейдяка, стояли за походом 1585 года и его захватом Искера, но то, что эти интересы были, представляется вполне вероятным. Вопрос заключается в том, какие цели преследовал сам Сейдяк, придя в город Сибирь.

Если останавливаться на летописной версии мести и возвращении наследного владения, то тогда непонятно, почему он не предпринимал никаких действий против сибирского хана и его сына Али после взятия Искера. По мнению Ю.С. Худякова, Сейдяк претендовал не только на Искер, но и на престол сибирского хана [41, с. 236], хотя последнее было маловероятно в силу его нечингизидского происхождения. Однако, Сейдяк, захватив Искер, не предпринимает никаких дальнейших действий, чтобы подчинить территорию ханства. Отчасти это может объясняться тем, что далеко не все местное население поддерживало наследника Тайбугидов. Уже упоминалось свидетельство из Черепановской летописи о том, что местное татарское население, жившее возле Искера, приняло Сейдяка как законного правителя и выплачивало ему дань: «тамошние татары, по отбытии Кучумовой фамилии признавали князя Сейдяка за законного наследника и хана и своего владетеля, и не отреклись ему платить обыкновенной подати». Но это не касалось военной помощи, так как в противном случае, как пишет летописец, это могло бы сильно навредить строителям соседнего города Тобольска⁵. Так что Сейдяку приходилось рассчитывать только на уже имеющиеся у него военные силы. Однако, видимо, легкость захвата Искера и общение с местными татарами могло зародить у Сейдяка идею самостоятельной политической карьеры.

С этим связан еще один вопрос, который заключается в том, кто поддерживал Сейдяка в это время. Именно после взятия Искера к князю присоединились некий казахский царевич, который во всех летописях проходит под именем Салтан, и мурза Карача, который довольно точно соотносится именно с карачей хана Кучума. Г.Ф. Миллер пишет, что с их приходом Сейдяк стал сильнее, что свидетельствует о том, что с ними пришло много воинских сил [22, с. 269]. Несмотря на то, что имя царевича как таковое не упоминается, из последующих русских документов известно, что это был внук хана Шигая царевич Ураз-Мухаммад, племянник казахского хана Таввакула.

Информация о рождении и детстве казахского царевича имеется только в сочинении Кадыр Али-бека, который был его аталыком (после работ А.В.Белякова возвращение к концепции, что он был сибирским карачей [8, с. 31–33], нам кажется бессмысленным, поскольку, очевидно, что это два разных по статусу и происхождению политических деятеля, которые одновременно попали в русский плен в 1588 году). Ураз Мухаммед был сыном царевича Ондана, старшего сына и

⁵ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ГИИМЗ. № 12137. Л.81.

возможно наследника казахского хана Шигая. Сам этот текст в новом переводе довольно запутан:

«Рассказы [о жизни] Ундан султана везде слышны, он был великим героем – снайпером во всяком случае, во всякой битве с врагом проявил мужество и отвагу. Во времена Шигай хана он был предводителем войска. Слава о нём известна. Погиб он от рук калмыка, когда ему было тринадцать лет, его могила находится рядом с могилой Ахмеда Есеви, там его похоронили... Было известных, знаменитых две жены...: Алтын ханым дочь Булад султана сына Усяк хана, родившийся от неё падишах ислама Ураз-Мухаммед хан, да сохранит Аллах его царство и владения... В то время Ураз-Мухаммед хан остался от своего деда Шигай хана. А в тринадцатилетнем возрасте умер его отец Ундан султан от междоусобных раздоров. [Он] остался без отца. Некоторое время терпел лишения в плену у Сейдяк бека. Потом в шестнадцатилетнем возрасте прибыл на службу к падишаху всех христиан Борису Фёдоровичу» [40, с. 140].

Попробуем разобраться в этом с помощью иных источников и историографии. В принципе большинство историков со времен В.В.Вельяминова-Зернова согласны в том, что Ураз Мухаммед родился в 1572 году [11, с.339]. Только Ж.М. Сабитов предлагает пересмотреть всю хронологию этих событий, датировав рождение царевича 1574 годом [33, с. 1163–1164].

Шараф-наме-йи шахи – один из немногих источников, который показывает не только совместную деятельность Хакк-Назар-хана и Шигай-султана, но и нахождение вместе с ними Ондан-султана, по крайней мере в 1579 г. [21, с. 246], когда делаются первые попытки установить отношения с бухарским ханом Абдаллахом II. Нет никаких оснований считать, что он или его родственники могли покинуть Шигая, который в 1580 г., стал новым казахским ханом, или тем более в ходе дальнейшей совместной деятельности в союзе с бухарским ханом против Баба-султана. Тем более, что Шигай получил в управление Ходжент [21, с. 256–257, 262, 275–276]. Скорее всего, до смерти Шигая в 1582 году именно при его дворе находился Ондан и его сын Ураз Мухаммед, чему не противоречит и текст Кадыр Али-бека. Представляется, что после смерти Шигая Ондана необходимо искать в окружении его брата Таваккула, в том числе в период получения им в управление от Абдаллаха Африкентского вилайета [21, с. 311]. Причем сложно сказать, почему новым ханом стал именно последний, хотя Ондан был старшим [1, с. 273]. Со времен В.В. Вельяминова-Зернова историки в принципе едины в том, что царевич погиб во время одного из многочисленных столкновений с калмыками, хотя и была сделана попытка перенести дату этого события с 1585 г. на 1586 или даже 1587 гг. [5, с. 29; 33, с. 1164], поскольку, как и все султаны, он активно участвовал в военных действиях. Более интересно то, что он был похоронен возле могилы Ахмеда Ясави, основателя тариката Йасавийа, в Туркестане. Очевидно, что это было невозможно без разрешения могущественных джуйбарских шейхов, которые, видимо, имели хорошие отношения с ханом Таваккулом [4, с. 190, 213]. В связи с этим возникает гипотетический вопрос, на который не способны ответить имеющиеся источники: не мог ли и Ураз Мухаммед, как и сибирский князь Сейдяк, некоторое время находиться на воспитании в этом тарикате?

В свете этого возникают резонные сомнения в версии А.В. Белякова о том, что «Ураз-Мухаммед даже никогда не бывал в казахских улусах» [9, с. 62]. На основании единичного упоминания об Ондане как ногайском царе историк делает предположения, что царевич мог выехать с Сибирь вместе с семьей именно от ногаев. Проблема этой версии заключается в том, что не ясно, когда вообще могло произойти воцарение Ондана и почему он не указывается в качестве царя в

иных источниках, которые довольно трепетно относятся к политической терминологии. Еще в 1557 году казахи во главе с Хакк-Назаром нанесли первый удар по ногайским улусам [36, с. 308]. В 1569 году Хакк-Назар и Шигаи совместно организовали поход на Ногайскую Орду, который заложил основу для постепенного подчинения части ногаев казахам [13, с. 90]. Причем в том же или 1570 г. были побиты и представители ближайшего к сибирским ханам Ахмад-Гирею и Кучуму клан Шихмамаевичей [13, с. 96; 36, с. 367], что напрямую затрагивало интересы собственно и самого Сибирского ханства. В 1570-х гг. казахи и ногаи будут конкурировать за контроль над Южным Уралом, что приведет и к походу Хакк-Назара в 1577 г., в ходе которого удар опять был нанесен по потомкам Шейх-Мамаю [13, с. 103; 36, с. 368-369]. Ситуация изменилась в 1580 г. после смерти хана Хакк-Назара и привела к началу ответных походов ногаев на казахов. Объективно говоря, в течении всего этого периода вряд ли кто-то из казахских царевичей мог бы стать ногайским царем, в связи с чем подобное упоминание Ондана в русском источнике явно требует дополнительного анализа.

Еще одной проблемой, связанной с описанными выше сюжетами, является предполагаемое А.В. Беляковым родство Ураз Мухаммеда с Кучумом как пасынка [8, с. 24; 9, с. 62]. Не вдаваясь в довольно сложные генеалогические конструкции, обратим внимание, что первые родственные связи между семьей Шигаи и Муртазы могли быть установлены примерно в начале 1570-х гг., когда для замирения Сибирского ханства с казахами мог быть заключен брак старшего из братьев и первого сибирского хана Ахмад-Гирея и дочери султана Шигаи, который, впрочем, закончился убийством Шибанида [22, с. 196]. Сложно сказать, когда мог быть заключен брак самого Кучума с другой дочерью Шигаи (основания для этого, например, могли быть в 1580–1582 гг.), хотя с бывшей женой (вдовой?) Ондана брак вряд ли мог быть заключен ранее 1585 года, то есть смерти мужа и появления в Сибири семьи Ураз-Мухаммеда. Все они явно подтверждают наличие неких особых связей сибирских правителей именно с Шигаем, у которого также была жена из Чатов и при этом он характеризуется как давний сторонник бухарского хана Абдаллаха II [3, с. 93]. Как верно отметил В.В. Трепавлов, «в целом отношения между двумя юртами всегда были напряженными, и Кучум никогда не видел в казахах союзников» [37, с. 49]. Но, как показывает смерть Ахмад-Гирея, отношения эти явно не были простыми и могли наложить отпечаток на дальнейшие взаимодействия между Ураз Мухаммедом и семьей сибирского правителя, о которых пишет А.В. Беляков [8, с. 24–28; 9, с. 62–63].

Мы явно видим, что здесь в очередной раз очень косвенно прослеживается некий бухарский след, но в условиях скудости источников раскрыть его подробнее не представляется возможным. Тем более, что о войнах Кучума с казахами известно не только в русских источниках, но и упоминается в «Кара Таварих»: «Кучум хан совершил поход в Туркестан в сторону Отрара и со всей страной казаков бился» [39, с. 84], причем это, видимо, произошло еще до событий, связанных с возвращением власти в Сибири. Еще один нюанс: в двух таварих, явно созданных в разное время в Касимове при дворе местных царей, взаимоисключены почти все потомки Шибана, кроме линии Абу-л-Хайра, у Кадыр Али-бека и казахские ханы, включая линию Шигаи, у Утемиш-хаджи и его «продолжателя», что еще раз говорит об особенностях взаимодействия Ураз Мухаммеда и семьи Кучума, даже если между ними и были родственные связи.

После смерти своего отца Ондана Ураз Мухаммед вместе с семьей оказался в Сибири. Причем сибирские летописи не подтверждают факта его пленения, о котором пишет Кадыр Али-бек. Именно отсутствие источников приводит к мно-

гочисленным противоречивым версиям. Вряд ли стоит серьезно рассматривать предположение В.Я. Басина о пленении царевича сибирскими татарами еще в 1580 г. после разгрома казахов ташкентским правителем Баба-султаном [6, с. 87]. Близка к этому и версия о его пленении самим Кучумом во время его войны с казахами в 1580 году, нахождении в плену в Искере, из которого он был освобожден Сейдяком [2, с. 81; 11, с. 398], хотя единственный имеющийся источник, процитированный выше, говорит наоборот о плене у самого Сейдяка. Д.М. Исхаков считает, что казахский царевич изначально пришел с Сейдяком из Бухары [14, с. 97]. Ж.М. Сабитов пишет, что «Ураз-Мухаммед со своей семьей вынуждены были бежать в Сибирь», будучи отрезанными от остальных родственников [33, с. 1164]. Однако М.А. Усманов считал, что после смерти своего отца Ураз Мухаммед, опасаясь преследований со стороны своего дяди Таввакула, сам мигрировал в Сибирь со своей ставкой [38, с. 89], что вряд ли могло быть самым безопасным решением. М.Ж. Абдиров напротив доказывает, что царевич был отправлен с отрядом самим Таваккулом для того, чтобы «присоединить часть территории Сибирского ханства к Казахстану» [1, с. 284]. Этой же версии придерживаются в недавней монографии А. Кузембайулы с соавторами, которые считают, что царевич был кандидатом на «провозглашение Сибирским ханом» [17, с. 192]. А.В. Беляков предполагает, что казахские царицы и с ними, видимо, Ураз Мухаммед, были приглашены самим Кучумом, поскольку среди его жен были их родственники, а в дальнейшем оказались разделены между сибирским царем и сибирским князем Сейдяком [9, с. 62–63]. В рецензии на монографию А.В. Белякова один из авторов этой статьи также писал, что появление в Сибири могло быть связано «с... противоречиями среди казахской правящей элиты и попыткой спрятать одного из наследников» [19, с. 202], хотя представленный выше анализ совместной деятельности Шигая и его сыновей, по всей видимости, заставляет отказаться от этой версии. Обратим внимание, когда в дальнейшем царевич оказался в российском плену, это стало неожиданностью для его дяди, который пытался его вернуть через переговоры с Москвой [2, с. 81]. О ценности царевича для хана Таввакула говорит то, что он согласен был отдать в Москву в аманаты собственного сына взамен Ураз Мухаммеда [8, с. 77; 15, с. 13].

По всей видимости, после своего прихода в Сибирь и Сейдяк, и Ураз Мухаммед изначально оказывались при дворе хана Кучума, что, видимо, несколько обесценивает любые версии относительно их враждебности ему. Только в ходе пребывания в Сибири их позиция изменялась, тем более что убийство Ермака и уход казаков оставляли большой простор для действий и возможностей молодых и амбициозных политических лидеров. Именно по этой причине семья Ураз Мухаммеда оказалась разделена на две части между Кучумом и Сейдяком, как это предполагает А.В. Беляков [9, с. 63].

Ураз Мухаммед и сибирский карача не только пришли к Сейдяку уже после взятия им Искера, чем усилили его, но и летописи свидетельствуют о том, что князь советовался с царевичем [16, с. 34; 28, с. 126], хотя Сейдяку в 1585 году было уже 22 года, а сыну Ондана 13 лет. В этом отношении интересная позиция была высказана И.Н. Березиным еще в 1851 году, который назвал Ураз Мухаммеда «друг Сейдяка... взятый вместе со своим покровителем в плен...» [10, с. 549]. Причем с Сейдяком их, по-видимому, связывали достаточно теплые отношения, так как впоследствии, уже на русской службе они упоминаются вместе [7, с. 202, 234]. Еще по одной версии – это именно Ураз Мухаммед вместе с Карачей захватили Искер, которые посадили на трон Сейдяка [25, с. 207], хотя единственным легитимным правителем из Чингизидов среди них был собственно

только сам Ураз Мухаммед. По мнению А.Г. Нестерова, после захвата Искера Сейдяком, во главе возрожденного Тайбугидского государства встал триумvirат из Сейдяка, Ураз Мухаммеда и Карачи [24, с. 23]. К сожалению, противоречивость летописных и недостаток иных источников не позволяет судить, насколько оправданы такие предположения, но само их разнообразие свидетельствует именно о концептуальных расхождениях авторов, причем в казахстанской историографии настойчиво проводится мысль о захвате Искера именно казахскими войсками [25, с. 207], что заслуживает отдельного анализа.

В целом невозможно обсуждать цели этих трех политических деятелей между осенью 1585 года и летом 1588 года, поскольку полностью отсутствует информация о каких-либо совместных действиях до момента пленения, в том числе против Кучума [32]. По сути, кроме логичных предположений о возможных амбициях Сейдяка и Ураз Мухаммеда и противоречиях Кучума с его карачей, мы вообще не знаем, как выстраивались их отношения с сибирским ханом, однако отсутствие упоминаний о военных столкновениях между ними само по себе симптоматично. Единственное сражение произошло за Искер у Сейдяка с Али, отношения которого с отцом и братьями были неоднозначными. После его изгнания из города иные военные действия т.н. «триумvirатом» не проводились.

Отвечая далее на вопрос о том, почему Кадыр Али-бек пишет при этом о пленении царевича, русский востоковед И.Н. Березин указывал: «Выдавая Ураз Мухаммеда за пленника Сейдяка, наш автор может быть и справедлив, а может быть и придал иное значение пребыванию Ураз Мухаммеда у Сейдяка для того, чтобы не было заметно противоположности между службой Ураз Мухаммеда Борису и дружеством его с Сейдяком, врагом России» [10, с. 552]. По всей видимости, эта ложь потребовалась аталыку царевича именно в российских условиях, тем более, что она подчеркивала добровольность перехода казахского царевича на русскую службу. В этом отношении нельзя не согласиться с А.В. Беляковым, который написал, что «Кадыр Али-бек представил нам в своем сочинении значительно отретушированный образ как Ондана, так и Ураз-Мухаммеда» [8, с. 23]. Обращает на себя внимание то, что в иных источниках, особенно русского происхождения, пленение Ураз Мухаммеда у Сейдяка не упоминается.

В Сибирских летописях приводятся разные трактовки событий, связанных с пленением Сейдяка, казахского царевича Ураз Мухаммеда и сибирского Карачи. Согласно Строгановской летописи (по Толстовскому списку) Сейдяк, причем вместе с неназванным остячком князем, татарами и вогулами, выступает как защитник независимости Сибири от русских: «Да не будут в нашей земли селиться Русстии люди» [34, с. 88]. Не совсем логичным в дальнейшем выглядит согласие Сейдяка прийти на пир в крепость, причем в сопровождении немногих людей из окружения и безоружных [34, с. 89]. По другой редакции Строгановской летописи Сейдяк напал на Тобольск, и получил отпор от «Московстии же люди и Волсти казацы», в результате чего, раненый был взят в плен во время вылазки, то есть здесь версия о пире и возможности мирных переговоров даже не рассматривается [18, с. 64–65].

Согласно Есиповской и Ремезовской летописям, русскими было начато строительство Тобольска вблизи от Искера, что не вызвало возражений со стороны «триумvirата». В день пленения они забавлялись охотой с ястребами недалеко от Тобольска, причем с ними было пятьсот человек сопровождения «воинских татар» или «воинских людей» [34, с. 228, 257, 293, 304]. При этом нет упоминания о присутствии остяков, вогулов и даже «сибирских людей», как и открытой агрессии в отношении русских. Возможно присутствие значительного количества воинов было

своеобразной демонстрацией силы. При этом и охота с хищными птицами, вероятно, могла служить дополнительным показателем и символом власти [29, с. 18–24].

Представители «триумвирата» были взяты в плен на пиру, куда они приехали по приглашению Д. Чулкова, чтобы «жители им в мире...любезно да советуют и живут по братски заедино» [34, с. 350]. На основании этого предполагается, что Сейдяк проявлял непростительную беспечность, доверяя русским, хотя это не увязывается с предпринятыми мерами предосторожности, когда только на пир с сибирским князем поехали сто человек охраны, которую впоследствии разоружили [22, с. 270; 34, с. 293, 350]. Неосторожность Сейдяка могла быть связана с некими договоренностями с русскими по поводу правления в Сибири [30]. Н.А. Миненко предположила, что у Москвы имелись планы оставить наместником Сибирского ханства кого-то из прежних владельцев – Сейдяка или Кучума, и после выбора последнего князя обманом отправили в Москву [23, с. 65–66]. Хотя обе эти версии не подтверждаются источниками, тем не менее, захват Сейдяка и расправа с его сопровождением позволили решить вопрос с одним из очагов потенциального сопротивления, и ликвидировать Искер в качестве столицы Сибирского ханства [31, с. 264].

На наш взгляд, причина бездействия Сейдяка могла быть связана с тем, что при Едигере Сибирское княжество официально являлось вассалом России. На продолжение отношений в подобном статусе, возможно, и рассчитывал князь, чья позиция по этому вопросу, как впрочем и наличие такого знания у Д. Чулкова, не оставила следов в источниках. Р.Г. Скрынников предполагает, что Сейдяк мог быть инициатором переговоров с русскими и поэтому согласился поехать в Тобольск [35, с. 208–209]. Возможно, он рассчитывал на помощь русских в борьбе с Кучумом и на закон гостеприимства, принятый в кочевом мире [41, с. 240].

Факт захвата в плен Сейдяка, Ураз Мухаммеда и Карачи, также, как и ранее Мамет-Кула, активно использовался в русской дипломатии для создания нужного впечатления о России у иностранных государств, как о великой державе, милостиво относящейся к знатным пленным врагам, которые добровольно переходят на службу к русскому царю. В грамотах и наказах послам начиная с 1585 года, обязательно подчеркивается этот факт. В отношении Сейдяка и плененного с ним казахского царевича Ураз Мухаммеда в дипломатических документах они предстают не как пленные, а как добровольно перешедшие на службу к русскому царю, причем по собственной инициативе: «и Ураз-Магмет царевич и Сейтяк князь приехали ко государю нашему» [26, с. 1121], что в отношении царевича вполне укладывается и в версию Кадыр Али-бека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров М.Ж. Казахский хан в Русском государстве. Алматы: Издательство «Атамұра», 2020. 392 с.
2. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.
3. Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-пресс, 1998. 268 с.
4. Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы: Дайк-пресс, 2001. 423 с.
5. Атыгаев Н. Казахское ханство в потоке времени. Очерки. Алматы: Издательство Елтаным, 2015. 384 с.

6. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971. 277 с.
7. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань.Мир», 2011. 512 с.
8. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондана и Исинеи Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.
9. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед в Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 61–64.
10. Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Бориса Федоровича Годунова // Москвитянин, № 24. 1851. С. 545–554.
11. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч.2. Санкт-Петербург: Издательство Императорской Академии наук, 1864. 502 с.
12. Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь. (Вторая половина XVI–XIX вв.). Ташкент: [б. и.], 1964. 88 с.
13. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI вв. Семипалатинск: Тенгри, 2002. 139 с.
14. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
15. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII в. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1961. 746 с.
16. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. Санкт-Петербург: Типография Ф.Г.Елеонского и К, 1880. 108 с.
17. Кузембайулы А., Абиля Е.Алибек Т. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А.Байтурсынова, 2022. 256 с.
18. Летопись Сибирская: Изд. с рукописи XVII в. Санкт-Петербург: Типография департамента народного просвещения, 1821. IX, 88, 8 с.,
19. Маслюженко Д.Н. Рец.на: А.В.Беляков. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с. // Российская история. 2020. № 1. С. 201–206.
20. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 года: значение в истории и историографии Сибирского ханства // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. М.: ООО «Издательский дом "Медина"», 2017. С.457–468.
21. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 630 с.
23. Миненко Н. Хожение за «Камень» (Начало Азиатской России: новое время) // Родина. 2000. № 5. С. 64–71.
24. Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 17–23.
25. Нурбаев К.Ж. Князь Тайбуга и его сибирский улус // Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. трудов. Омск: Изд-во ОмГУ; Павлодар: Изд-во ПГПИ, 2016. С. 202–209.
26. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. Памятники дипломатических отношений с Римскою империей

(1488–1594). Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. 852 с.

27. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. Санкт-Петербург: Тип. Н.Ю. Скороходова, 1906. 234 с.

28. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.

29. Пчелов Е. О символике сокола и соколиной охоты на Руси в связи с западными и восточными параллелями // Труды русской антропологической школы. 2013. Т. 13. С. 18–24.

30. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (дата обращения: 30.03.2023)

31. Рябинина Е.А. Поход Ермака и судьба Сибирского ханства // Тюменское и Сибирское ханства / под ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдикова, Р.П.Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 256–270.

32. Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н. Деятельность последнего сибирского князя Сейдяка Тайбугида в 1580-е гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. Вып.3 (69). С.116.

33. Сабитов Ж.М. К вопросу об обстоятельствах появления Ураз-Мухаммеда и Кадырали Жалаири в Сибири // Молодой ученый. № 11 (91). 2015. С. 1163–1165.

34. Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. Санкт-Петербург: типография И.Н. Скороходова, 1907. 462 с.

35. Скрынников Р.Г. Сибирский поход Ермака. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 256 с.

36. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

37. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

38. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.

39. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: М Институт истории им. Ш.Марджани 2017. 312 с.

40. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.

41. Худяков Ю.С. Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 году в истории взаимоотношения российской властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 234–242.

42. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.

Сведения об авторах: Елена Алексеевна Рябинина – старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила 13.02.2023 Принята к публикации 22.05.2023
Опубликована 29.06.2023

REFERENCES

1. Abdirov M.Zh. *Kazakh Khan in the Russian state*. Almaty: Atamura Publishing House, 2020, 392 p. (in Russian)
2. Abuseitova M.Kh. *The Kazakh Khanate in the second half of the 16th century*. Alma-Ata: Publishing house "Science" of the Kazakh SSR, 1985. 104 p. (in Russian)
3. Abuseitova M.Kh. *Kazakhstan and Central Asia in the 15th–17th centuries: history, politics, diplomacy*. Almaty: Dyke-press, 1998, 268 p. (In Russian)
4. Abuseitova M.Kh., Baranova Yu.G. *Written sources on the history and culture of Kazakhstan and Central Asia in the 13th–18th centuries*. Almaty: Dyke Publ., 2001, 423 p. (In Russian)
5. Atygaev N. *The Kazakh Khanate in the flow of history*. Almaty: Eltanym Publishing House, 2015. 384 p. (In Russian)
6. Basin V.Ya. *Russia and the Kazakh Khanates in the 16th–18th centuries*. Alma-Ata: Nauka, 1971, 277 p. (In Russian)
7. Belyakov A.V. *Chingisids in Russia of the 15th–17th centuries: prosopographical research*. Ryazan: Ryazan'-Mir, 2011. 512 p. (In Russian)
8. Belyakov A.V. *Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isinei Karamyshev son of Musaites. The experience of a joint biography*. Almaty: ABDI Company, 2019, 208 p. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Uraz-Muhammad in Siberia. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy IV Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchnoy konferentsii* [Materials of the IV All-Russian (national) Scientific Conference]. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2020, pp. 61–64. (In Russian)
10. Berezin I.N. Tatar chronicler. A Contemporary of Boris Fyodorovich Godunov. *Moskovityanin*, 1851, Iss. 24, book 2, pp. 540–554. (In Russian)
11. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Study about Kasimov kings and princes*. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences, 1864, p. 2. 502 p. (In Russian)
12. Ziyaev Kh.Z. *Central Asia and Siberia. (The second half of the 16th–19th centuries.)*. Tashkent, 1964, 88 p. (In Russian)
13. Isin A. *The Kazakh Khanate and the Nogai Horde in the second half of the 15th–16th centuries*. Semipalatinsk: Tengri, 2002, 139 p. (In Russian)
14. Ishakov D.M. *An introduction to the history of the Siberian khanate. Essays*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. 196 p. (In Russian)
15. *Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries (collection of documents and materials)*. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961, XVI, 741 p. (In Russian)
16. *Brief Siberian Chronicle (Kungur) with 154 drawings*. St. Petersburg, Printing house of F.G.Eleonsky and K^o, 1880, 108 p. (In Russian)
17. Kuzembayuly A., Abil' E.Alibek T. *Siberian Ulus and Kazakhs: problems of ethnic continuity and historical memory*. Kostanay, A.Baitursynov Regional University, 2022, 256 p. (In Russian)
18. *The Siberian Chronicle: Ed. from the manuscript of the 7th century*. St. Petersburg, Printing house of the Department of Public Education, 1821, IX, 88, 8 p. (In Russian)
19. Maslyuzhenko D.N. Rec. ad op.: Belyakov A. V. Uraz-Muhammad Ibn Ondan and Isinei Karamyshev son Musaitov. Experience of joint biography. Almaty, 2019. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2020, no. 1, pp. 201–206. (In Russian)

20. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Shibanids and Taybugids in 1563: significance in the history and historiography of the Siberian Khanate. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [XIII Faizkhanov Readings. The legacy of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific and practical conference]. Moscow: LLC "Publishing House "Medina"", 2017, pp. 457–468. (In Russian)
21. *Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings)*. Suleymenov B. [otv. red.]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1969, 655 p. (In Russian)
22. Miller G.F. *History of Siberia*. Vol. I. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2005, 630 p. (In Russian)
23. Minenko N. Walking for the "Stone" (The Beginning of Asian Russia: novoye vremya). *Rodina* [Rodina], 2000, no. 5, pp. 64–71. (In Russian)
24. Nesterov A.G. Isker Principality of the Taibugids (15th–16th centuries). *Sibirskie tatory* [Siberian Tatars] Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2002, pp. 17–23. (In Russian)
25. Nurbaev K.Zh. Prince Taybuga and his Siberian ulus. *Kazakhi Evrazii: istoriya i kul'tura* [Kazakhs of Eurasia: history and culture: collection of scientific works]. Omsk: Publishing House of OmsU; Pavlodar, Publishing House of PSPI, 2016, pp. 202–209. (In Russian)
26. *Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. Part one: relations with European States. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire*. Pt. I. (from 1488 to 1594). St. Petersburg, 1851, 852 p. (In Russian)
27. *Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 13. Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle*. Pt. 2. St. Petersburg, of I.N. Skorokhodov, 1906, 234 p. (In Russian)
28. *Complete collection of Russian Chronicles, vol. 36. The Siberian Chronicles*. Part 1. The group Esipov chronicle. Moscow: Nauka, 1987, 383 p. (In Russian)
29. Pchelov E. On the symbolism of the falcon and falconry in Russia in connection with Western and Eastern parallels. *Trudy russkoy antropologicheskoy shkoly* [Proceedings of the Russian Anthropological school], 2013, Vol. 13, pp. 18–24. (In Russian)
30. Rezun D.Ya., Shilovskiy M.V. Siberia, the end of the 16th – beginning of the 20th century: the frontier in the context of ethnosocial and ethno-cultural processes. Available at: <http://sibistorik.narod.ru/project/frontier/index.html> (accessed: 30.03.2023) (In Russian)
31. Ryabinina E.A. Ermak's campaign and the fate of the Siberian Khanate. *Tyumenskoe i Sibirskoe khanstva* [Tyumen and Siberian khanates]. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2018, pp. 256–270. (In Russian)
32. Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. The activity of the last Siberian Prince Seidyak Taybugid in the 1580s. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Questions of medieval studies], 2017, Iss. 3 (69), p. 116. (In Russian)
33. Sabitov Zh.M. On the question of the circumstances of the appearance of Uraz-Muhammad and Kadyrgali Zhalairi in Siberia. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2015, no. 11 (91), pp. 1163–1165. (In Russian)
34. *The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeographic Commission*. St. Petersburg, of I.N. Skorokhodov, 1907, 462 p. (In Russian)
35. Skrynnikov R.G. *Ermak's Siberian campaign*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1982, 256 p. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. *The History of the Nogai Horde*. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 2002. 752 p. (In Russian)
37. Trepavlov V.V. *Siberian Yurt after Ermak.: Kuchum and Kudumovic in the struggle for revenge*. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 2012, 231 p. (In Russian)

38. Usmanov M.A. *Tatar historical sources 17th–18th centuries*. Kazan: Publishing house of Kazan University, 1972, 223 p. (In Russian)

39. Utemish-khadzhi. *Kara tavarikh*. Kazan: Sh.Marjani Institute of History, 2017, 312 p. (In Russian)

40. Khisamieva Z.A. *The language of dastans of Kadyr Ali-bek*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022, 244 p. (In Russian)

41. Khudyakov Yu.S. The episode of the capture of Saydiak and Karachi in Tobolsk in 1588 in the history of the relationship between the Russian authorities and the Siberian Tatar elite (based on written and pictorial sources). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2014. T.13, vyp.3: Arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2014. Vol.13, issue 3: Archeology and Ethnography], pp. 234–242. (In Russian)

42. Shashkov A.T. The beginning of joining Siberia. *Problemy istorii Rossii. Evraziyskoe pogranch'e* [Problems in the history of Russia. Eurasian Borderland]. Ekaterinburg: Volot, 2001, Iss. 4, pp. 8–51. (In Russian)

About the authors: Elena A. Ryabinina – Senior Lecturer of the Department of “History and documentation”, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

*Received February 13, 2023   Accepted for publication May 22, 2023
Published June 29, 2023*